

DOI: 10.15838/ptd.2026.5.145.9

УДК 332.1:339.564:631.115 | ББК 65.32-5

© Айтов В.В., Шевцов В.В.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ЮГА РОССИИ ПО СТЕПЕНИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МАЛЫХ АГРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЫРАВНИВАНИЯ

ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АЙТОВ

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Краснодар, Российская Федерация

e-mail: Aytov999@mail.ru

ORCID: 0009-0009-1668-3153; ResearcherID: PMG-5943-2026

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ ШЕВЦОВ

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Краснодар, Российская Федерация

e-mail: denshevtsov0@ya.ru

ORCID: 0000-0001-7747-9943

Малые агропроизводители южнороссийских регионов реализуют свой экспортный потенциал все более неравномерно, а переориентация внешнеторговых потоков продукции агропромышленного комплекса на рынки дружественных государств такую неравномерность только усиливает. Этим обусловлена актуальность темы исследования. Статья написана с целью выявить и систематизировать факторы, которые разделяют четыре субъекта Юга России: Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую и Волгоградскую области – по уровню экспортной активности малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе, а также обосновать механизмы сокращения сложившегося разрыва. Новизна работы состоит в авторской методике интегральной оценки экспортной вовлеченности малых агропроизводителей, где наряду с объемными показателями вывоза учитываются структурно-институциональные параметры региональной среды: уровень кооперации, логистическая доступность, глубина переработки, адресность государственной поддержки. Используются сравнительно-аналитический и статисти-

Для цитирования: Айтов В.В., Шевцов В.В. (2026). Межрегиональная дифференциация субъектов Юга России по степени реализации экспортного потенциала малых агропроизводителей: факторы и механизмы выравнивания // Проблемы развития территории. Т. 30. № 5. С. 147–163. DOI: 10.15838/ptd.2026.5.145.9

For citation: Aitov V.V., Shevtsov V.V. (2026). Interregional differentiation in export potential realization among small agricultural producers across Southern Russian regions: Factors and equalization mechanisms. *Problems of Territory's Development*, 30(5), 147–163. DOI: 10.15838/ptd.2026.5.145.9

стико-типологический подходы; потенциальный экспортный вклад малых форм хозяйствования рассчитан исходя из их доли в валовом производстве основных экспортных позиций. Выявлено, что дифференциацию обуславливают прежде всего неравенство портовой и транспортной инфраструктуры, разный масштаб кооперативного движения, неодинаковая встроенность малых производителей в экспортные цепочки добавленной стоимости и несовпадающая настройка региональных мер поддержки. Выравнивать положение предлагается через межрегиональные экспортные кооперативные платформы, специализированные хабы агрологистики, экспортный стандарт для малых производителей и региональные центры экспортных компетенций. Главное ограничение работы – фрагментарность ведомственной статистики об экспортной деятельности малых форм хозяйствования. Дальнейшие исследования авторы связывают с созданием мониторинговой системы экспортной вовлеченности фермерского сектора.

Экспортный потенциал, малые агропроизводители, межрегиональная дифференциация, Юг России, кооперация в АПК, экспортная инфраструктура, агрологистика, государственная поддержка, межрегиональная дифференциация.

Введение

Роль главного аграрного пояса России южные регионы страны закрепили за собой в последнее десятилетие: они обеспечивают свыше четверти валового сбора зерновых и зернобобовых культур, отсюда уходит основная масса экспортных отгрузок через порты Азово-Черноморского бассейна (Горячко, Леоненко, 2021). По итогам 2024 года, согласно данным федерального центра «Агроэкспорт», Южный федеральный округ (ЮФО) вышел на первое место среди федеральных округов по экспортной выручке от реализации продукции агропромышленного комплекса (АПК); одни только инвестиционные проекты, реализованные с господдержкой в рамках нацпроекта «Международная кооперация и экспорт», дали свыше 4,1 млрд долларов¹. Доля ЮФО в общероссийском агроэкспорте, составившем 42,6 млрд долларов, остается наибольшей, однако за окружными показателями скрывается сильная пространственная неоднородность. На Ростовскую область приходится 7,2 млрд долларов экспортной выручки, то есть свыше 20% всего вывоза продукции АПК из страны, тогда как Волгоградская область прибавила лишь 461 млн долларов, а Ставропольский край – 653 млн (Марков, Мумладзе, 2019). Краснодарский край сфор-

мировал поток в 2,6 млрд долларов, однако структура его предельно концентрирована: десять ведущих продуктов дают 88% совокупного вывоза (Воробьев и др., 2023).

Особенно остро межрегиональная дифференциация ощущается на уровне малых форм хозяйствования. В настоящей работе к ним отнесены крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), индивидуальные предприниматели, занятые сельскохозяйственной деятельностью, и сельскохозяйственные потребительские кооперативы. По стране КФХ дают уже около 14% всей произведенной сельскохозяйственной продукции², но в экспортных поставках их присутствие непропорционально мало³. Причин несколько, и лежат они в разных плоскостях: ограниченные логистические возможности, нехватка средств на сертификацию продукции по международным стандартам, отсутствие прямого выхода к портовой инфраструктуре, слабая, как правило, включенность в кооперативные цепочки, которые позволяли бы собирать товарные партии экспортного масштаба.

Тема экспортного потенциала АПК разрабатывается в научной литературе довольно активно. Так, И.Г. Ушачев, В.В. Маслова и М.В. Авдеев раскрыли современные тен-

¹ Аграрный экспорт регионов России по итогам 2024 года: обзор // Федеральный центр «Агроэкспорт». М., 2025. С. 12–38.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 700–720.

³ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2021 года: в 8 т. / Росстат. М., 2023. Т. 2. С. 112–145.

денции внешней торговли агропродовольственной продукцией, показав страновые и товарные особенности отечественного агроэкспорта, но малым производителям в их модели отведено периферийное место (Ушачев и др., 2020). А.П. Потапов сосредоточился на стратегических целях и индикаторах результативности государственного регулирования экспортного потенциала аграрного сектора страны и ее регионов (Потапов, 2022). О.В. Зинина и Н.А. Далисова увязывают формирование регионального экспортного потенциала с целым комплексом институциональных и инфраструктурных факторов (близкая логика прослеживается в работах Reardon et al., 2019; Swinnen, Kuijpers, 2019), отмечая, что кооперативное движение в российском АПК тормозят недоверие самих фермеров и неразвитость правовой базы (Зинина, Далисова, 2020). Е.В. Столба и М.Т. Лукьянова обосновывают применение форсайт-технологий для стратегической оценки экспортного потенциала регионального АПК с поправкой на местную специфику (Столба, Лукьянова, 2021).

Экспортная ориентация южного АПК попадала и в фокус региональных исследований. Например, ситуацию в Ставропольском крае анализировали В.Ю. Максимов и Н.В. Мирошниченко (Максимов, Мирошниченко, 2023), о регионах Северо-Кавказского федерального округа писали Ш.И. Шарипов и Б.Ш. Ибрагимова (Шарипов, Ибрагимова, 2019). С.П. Воробьев и соавторы проследили, как под влиянием санкций менялась географическая и ассортиментная структура экспорта продукции АПК региона (Воробьев и др., 2023). Однако компаративных работ, где экспортная вовлеченность малых агропроизводителей сопоставлялась бы сразу по нескольким южнороссийским субъектам, почти нет. Эта лакуна и определила научную новизну настоящей статьи: предложена методика межрегионального сравнения по критерию реализации экспортного потенциала малых форм хозяйствования и выделены факторы, из-за которых возникает асимметрия там, где агроклиматические и ресурсные условия внешне схожи.

Цель исследования – определить ключевые детерминанты межрегиональной дифференциации экспортной активности малых агропроизводителей в четырех субъектах Юга России и обосновать совокупность механизмов, выравнивающих условия их доступа к внешним рынкам. Для этого потребовалось решить несколько задач. Сначала были систематизированы теоретико-методологические подходы к оценке экспортного потенциала малых форм хозяйствования. Затем анализировалось состояние экспортной деятельности АПК в каждом из четырех регионов, причем внимание было сосредоточено на позициях малых производителей. Далее выполнялся факторный анализ межрегиональных различий, и уже на этой основе разрабатывались и обосновывались механизмы выравнивания.

Теоретико-методологические основы оценки экспортного потенциала малых агропроизводителей

Единого понимания, что считать экспортным потенциалом малых агропроизводителей, в отечественной и зарубежной литературе пока не сложилось, и термин требует уточнения. Чаще всего под экспортным потенциалом подразумевают совокупность ресурсов, способностей и условий, которые позволяют хозяйствующему субъекту устойчиво поставлять продукцию за рубеж (Третьяк и др., 2021). Однако перенести это определение на малые формы хозяйствования напрямую мешает масштаб. Отдельное фермерское хозяйство попросту не производит того объема, который нужен для самостоятельной экспортной партии: минимальный контрактный лот зерновых на условиях FOB через черноморские порты составляет 3–5 тыс. тонн, тогда как средний КФХ собирает за год в десятки раз меньше.

В связи с этим далее экспортный потенциал малых агропроизводителей понимается как системное свойство региональной агропродовольственной среды, а не как характеристика отдельно взятого хозяйства. В таком потенциале мы различаем четыре составляющие. Производственная задается

объемом и товарной структурой продукции, которую выращивают или перерабатывают малые формы хозяйствования и которая пригодна для вывоза. Институциональная – это степень развитости кооперативных структур, наличие специализированных экспортных объединений и аккредитованных лабораторий. Инфраструктурную составляющую образуют порты, элеваторы, маслоэкстракционные заводы и перерабатывающие мощности, с которыми малые производители связаны договорными отношениями. Наконец, регуляторная показывает, насколько масштабны и адресны меры государственной поддержки, нацеленные на вовлечение малых хозяйств во внешне-экономическую деятельность.

Методически работа построена на сочетании двух подходов. Сравнительно-аналитический подход позволяет сопоставить четыре региона по каждой из названных составляющих; статистико-типологический – проранжировать субъекты по тому, насколько у них реализован экспортный потенциал. Расчеты выполнены на данных Федеральной таможенной службы и Росстата, материалах федерального центра «Агроэкспорт» и региональных министерств сельского хозяйства; привлекались также итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Период наблюдения – 2020–2024 гг.: именно на эти годы пришлось самая интенсивная перестройка внешнеторговых связей отечественного АПК.

Прямых данных нет: ведомственная статистика не показывает экспортные поставки малых форм хозяйствования отдельной строкой. Оценивать их пришлось расчетно-аналитическим путем в два шага. Сначала для региона определялся уровень самообеспеченности по основным экспортно ориентированным позициям: зерну, семенам подсолнечника, растительному маслу – как отношение валового производства к внутреннему потреблению; значение выше единицы говорит о том, что экспортный ресурс у региона есть. Затем потенциальный

экспортный вклад малых форм хозяйствования рассчитывался по формуле:

$$EP_{\text{МФХ}} = E_{\text{рег}} \times d_{\text{МФХ}}, \quad (1)$$

где $E_{\text{рег}}$ – фактический экспорт региона по данной товарной позиции;

$d_{\text{МФХ}}$ – удельный вес малых форм хозяйствования (КФХ и ИП) в ее валовом производстве по региону, по данным Росстата.

Такой расчет, конечно, не заменяет прямого учета экспорта МФХ – его просто не ведут. Полученная величина очерчивает верхнюю границу вклада малых форм при допущении, что в экспортных цепочках они участвуют пропорционально своей доле в производстве. Ценность этой границы в другом: сопоставив ее с объемами, которые проходят через кооперативы и трейдеров, можно судить, какая часть потенциала остается незадействованной.

Такая постановка вопроса согласуется с институциональной теорией аграрных цепочек. С. Kilelu и соавторы показали, что вовлечь малых производителей в рыночные структуры удастся лишь при системной перестройке всей цепочки создания стоимости, тогда как точечные интервенции почти не дают результата (Kilelu et al., 2017). К близкому выводу на материале развивающихся стран пришли D.R. Hidayati, E. Garnevskaya и P. Childerhouse: трансформация агропродовольственных цепочек создания стоимости не идет без институциональной поддержки и кооперативной интеграции (Hidayati et al., 2023). Т. Manyise и D. Dentoni рассматривают партнерства в цепочках создания стоимости вместе с фермерским предпринимательством как балансирующие экосистемные услуги, поддерживающие устойчивость агропродовольственных систем (Manyise, Dentoni, 2021). Роль сельскохозяйственных исследований и инноваций в трансформации агропродовольственных систем развивающихся регионов изучена в работах (Mossie et al.,

2021; Reardon et al., 2019). M.F. Bellemare и J.R. Bloem по итогам обобщения эмпирических исследований пришли к выводу, что контрактное фермерство в целом улучшает благосостояние малых производителей, хотя величина эффекта заметно зависит от институциональных условий (Bellemare, Bloem, 2018). J. Swinnen и R. Kuijpers подчеркивают значение инноваций в цепочках создания стоимости для передачи технологий малым хозяйствам развивающихся и переходных экономик (Swinnen, Kuijpers, 2019), а систематический обзор (Ton et al., 2018) подтверждает: при грамотной организации контрактных схем доходы мелких фермеров растут.

Сравнительная характеристика экспортного потенциала АПК субъектов Юга России

Прежде чем разбирать межрегиональные различия, необходимо зафиксировать масштаб и структуру экспортной деятельности АПК каждого из четырех субъектов. Итоги 2024 года ставят Ростовскую область на первое место не только на Юге, но и в стране: экспортная выручка от реализации продукции АПК достигла 7,2 млрд долларов, или 16,7% общероссийского агроэкспорта⁴. Более 70% этой суммы дают зерновые, еще около 18% – масложировая продукция. Круг покупателей широк, причем в 2024 году особенно выросли отгрузки в Бангладеш, Сирию, Саудовскую Аравию и Тунис. У такого лидерства есть и оборотная сторона: вывоз держится на сырьевых позициях, а это указывает на недостаточную глубину переработки.

У Краснодарского края по итогам 2024 года – 2,6 млрд долларов и третье место среди субъектов Российской Федерации. Больше всего вывозится пшеницы (40,1%), за ней идут подсолнечное масло (14,5%) и рапсовое масло (7,5%). Число кубанских экспортеров за три года увеличилось на 21%, а поставки ведутся уже по

121 направлению; среди прочего возобновились отгрузки в африканские государства – Бурунди, Эфиопию, Малави (Воробьев и др., 2023). В 2024 году прибавили практически все переработанные группы: мясная и молочная продукция – свыше 30%, продукция глубокой переработки зерна – почти 20%, растительное масло – около 40%. И все же диверсификация остается ограниченной: десять товарных позиций дают 88% совокупного экспорта.

Ставрополье в 2024 году отправило на экспорт продукции АПК на 653 млн долларов – на 20% больше, чем годом ранее. Прирост обеспечили в основном стоимостные объемы пищевой и перерабатывающей промышленности (плюс 45%), а также отгрузки мясной продукции (плюс 40%), тогда как экспорт зерновых сократился на 20%. Основные покупатели ставропольской продукции – Азербайджан (15,6%), Китай (11,3%), Саудовская Аравия (9,6%) и Беларусь (8,3%). Отгружено 1,4 млн тонн, что на 17,5% выше планового показателя (Максимов, Мирошниченко, 2023). Отдельного внимания заслуживает сдвиг в сторону переработки: по данным краевого минэкономразвития, на продукцию с высокой добавленной стоимостью приходится уже 83,4% экспортных поставок АПК.

Замыкает четверку Волгоградская область. Прирост экспортной выручки за 2024 год в ней составил 461 млн долларов, причем 270 млн из них принесла масложировая продукция, а 155 млн – пшеница (Яковенко, Иваненко, 2020). Регион вывозит пшеницу, подсолнечное масло, жмыхи, фруктовые соки и продукты глубокой переработки кукурузы. В проекты АПК вложено более 36 млрд рублей, объем государственной поддержки достиг 3,2 млрд рублей. И все же область по масштабам экспортной деятельности заметно отстает от соседних субъектов: сказываются удаленность от морских портов и структурные особенности местного аграрного сектора (табл. 1).

⁴ Аграрный экспорт регионов России по итогам 2024 года: обзор // Федеральный центр «Агроэкспорт». М., 2025.

Таблица 1. Основные параметры экспорта продукции АПК субъектов Юга России в 2024 году

Показатель	Ростовская область	Краснодарский край	Ставропольский край	Волгоградская область
Экспортная выручка, млрд долл.	7,2	2,6	0,65	~0,46*
Доля зерновых в экспорте, %	70	40	~55	~35
Доля масложировой продукции, %	18	22	~10	~58
Число стран-импортеров	>100	121	76	~40
Динамика 2024/2023, %	+22	+2	+20	+80**

* – оценка на основе прироста; ** – высокая динамика обусловлена эффектом низкой базы.

Составлено по: данные федерального центра «Агроэкспорт» (2025), ФТС, региональных министерств сельского хозяйства.

Таблица 2. Сопоставление субъектов Юга России со среднероссийскими показателями и оценка потенциального экспортного вклада малых форм хозяйствования (2023–2024 гг.)

Показатель	РФ в целом	Ростовская обл.	Краснодарский кр.	Ставропольский кр.	Волгоградская обл.
Доля КФХ в валовом сборе зерна, %	30,4	~33	~25	~22	~28
Доля КФХ в сборе подсолнечника, %	~35	~42	~28	~25	~30
Самообеспеченность зерном, раз	~1,7	~3,5	~3,0	~2,7	~2,3
Потенциальный экспорт МФХ (зерно), млн долл.*	–	~1 660	~260	~80	~45
Количество СПОК на регион, ед.	~68	~100	~160	~75	~45

* – расчетная оценка верхней границы потенциального экспортного вклада МФХ по формуле 1. Приведенные значения носят ориентировочный характер и отражают максимальный теоретически возможный вклад малых форм в региональный экспорт зерна при пропорциональном участии в экспортных цепочках.

Составлено по: данные Росстата (Регионы России, 2023; 2024), ФТС, Минсельхоза РФ, АККОР.

Из расчетных оценок, приведенных в *таблице 2*, видно, что теоретически возможный экспортный вклад малых форм хозяйствования существенно превышает фактически наблюдаемый. На практике фермеры сбывают зерно главным образом через трейдерские цепочки, где их продукция обезличивается и учитывается уже как экспорт крупных компаний (*рис. 1*).

Сопоставление со среднероссийскими ориентирами уточняет картину. По доле КФХ в сборе зерна Ростовская область опережает общероссийский уровень, Краснодарский край находится несколько ниже, а Ставропольский край и Волгоградская область до среднего значения не дотягивают. Это подкрепляет вы-

сказанное выше предположение: низкая экспортная вовлеченность малых форм в рассматриваемых регионах вызвана разными причинами.

Разрыв, показанный на *рисунке 2*, требует отдельного пояснения. По абсолютному объему экспортной выручки Ростовская область опережает Волгоградскую более чем в пятнадцать раз – и это при том, что все четыре субъекта входят в один макрорегион, сопоставимы по агроклиматическим условиям и близки по растениеводческой специализации. Природно-ресурсной базой такую разницу объяснить нельзя; причины приходится искать в институциональных, инфраструктурных и управленческих условиях.

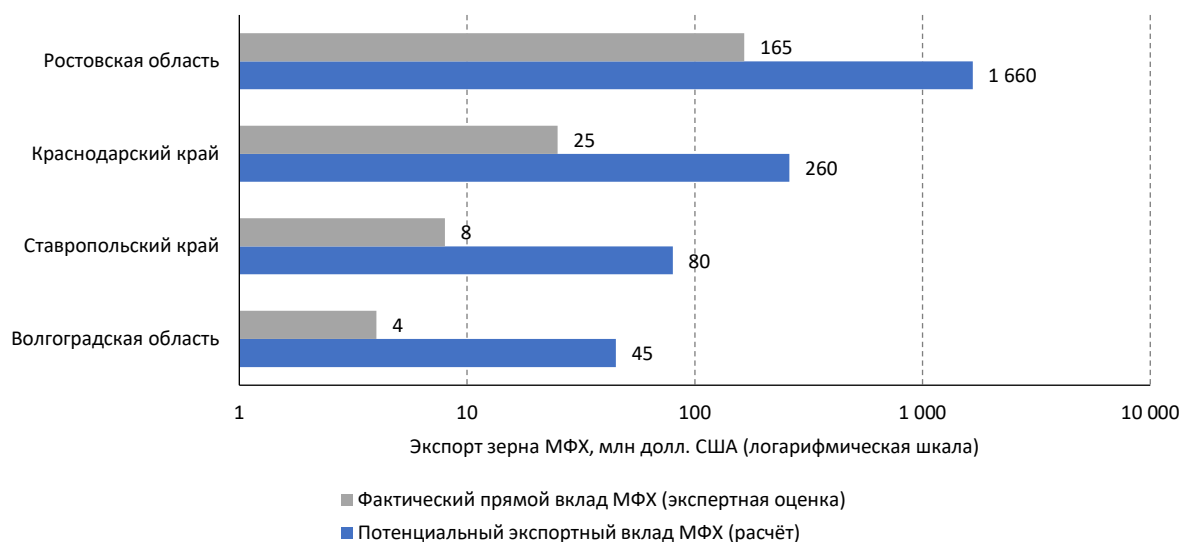

Рис. 1. Потенциальный экспортный вклад малых форм хозяйствования по зерну в сопоставлении с фактическим прямым вкладом через кооперативы, млн долл. США, логарифмическая шкала
Рассчитано по: данные ФТС и Росстата (2024).

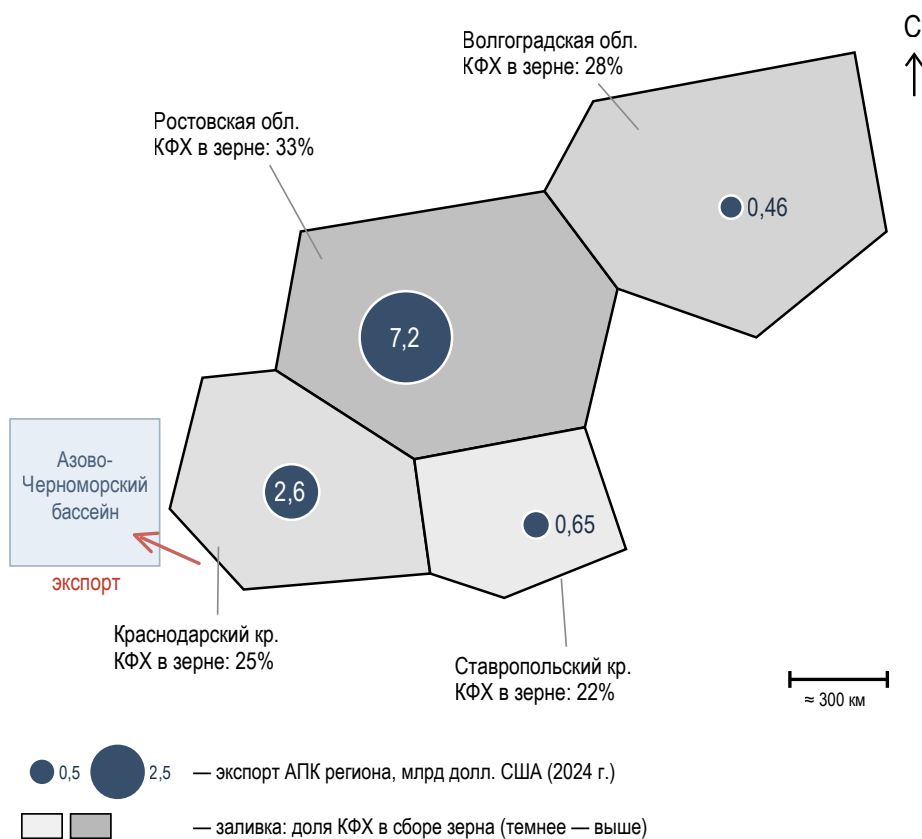

Рис. 2. Картограмма межрегиональной дифференциации субъектов Юга России по совокупному экспорту продукции АПК и доле КФХ в сборе зерна, 2024 год

Примечание: размер круга пропорционален экспорту, заливка региона отражает долю КФХ.
Источник: составлено авторами.

Многое здесь предопределено структурной разнородностью самого аграрного сектора – именно она решает, вовлечены малые производители в экспорт или отсечены от него. В Краснодарском крае и Ростовской области тон задают крупные агрохолдинги: они контролируют основной объем экспортных поставок, логистика у них своя. Парадокс в том, что доля крестьянских (фермерских) хозяйств в валовом производстве ключевых экспортных культур: зерна, семян подсолнечника, овощей – здесь традиционно выше, чем в Ставропольском крае и Волгоградской области. По данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» (Росстат, 2023), донские КФХ дают около трети валового сбора зерна и более 40% сбора подсолнечника, кубанские – примерно четверть. На Ставрополье и в Волгоградской области доля КФХ в производстве большинства основных видов продукции ниже, зато фермерский уклад сохраняет высокую социально-экономическую значимость: фермеры заметны в структуре занятости сельского населения, хозяйства размещены более равномерно. Суть парадокса такова. Производственная база КФХ на Кубани и Дону формально мощнее, но сами малые производители вытеснены на внутренний рынок либо встроены в вертикальные цепочки холдингов и трейдеров как поставщики сырья. В Ставропольском крае и Волгоградской области картина обратная: перевести производственный потенциал малых форм в экспортные поставки мешает острый дефицит кооперативной и логистической инфраструктуры. Выходит, что низкая экспортная вовлеченность малых форм порождается разными механизмами – где-то вытеснением со стороны крупных игроков, где-то инфраструктурно-институциональными барьерами.

Факторы межрегиональной дифференциации экспортной активности малых агропроизводителей

Сопоставление четырех субъектов дает возможность свести причины наблюдаемой

асимметрии в реализации экспортного потенциала малых агропроизводителей к пяти группам факторов, которые действуют не по отдельности, а совместно.

Первая группа факторов связана с инфраструктурной доступностью. Ростовская область и Краснодарский край выигрывают уже за счет географического положения: они примыкают к портам Азово-Черноморского бассейна, через которые уходит 95% российского зернового экспорта морским путем. Плотная сеть элеваторов, маслоэкстракционных заводов и терминалов позволяет агрохолдингам формировать крупные экспортные партии в сжатые сроки. Малым производителям эта инфраструктура тоже открыта, но лишь опосредованно – через договоры с трейдерами и переработчиками. Ставропольский край выхода к портам не имеет и компенсирует удаленность сухопутными маршрутами в Закавказье, Центральную Азию и на Ближний Восток; на Азербайджан, Грузию, Саудовскую Аравию и Китай суммарно приходится свыше 40% его поставок. Труднее всего положение Волгоградской области. Речной порт на Волге занят преимущественно внутренними перевозками, а доставка зерна по железной дороге до черноморских терминалов заметно увеличивает издержки экспортеров.

Вторая группа факторов – кооперативная организация сельского хозяйства. Именно от кооперации зависит, сумеют ли малые производители набрать минимальную экспортную партию. Всего в стране работает около 5700 сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПоК), в том числе 1500 перерабатывающих и 868 сбытовых, однако по территории они распределены крайне неравномерно. В нашей выборке плотнее всего кооперативное движение на Кубани; сказались и традиции казачьего хозяйствования, и настойчивая грантовая поддержка СПоК со стороны края. На Ставрополье кооперативов становится больше, но работают они на внутренний рынок – перерабатывают молоко, мясо и овощи для региональных торговых сетей, а экспортно ориентиру-

ванных объединений среди них почти нет. Ростовская область слабость кооперации восполняет масштабом трейдерской инфраструктуры, через которую мелкие хозяйства и сбывают зерно с масличными культурами. Сложнее всего дела обстоят в Волгоградской области – сбытовых кооперативов там единицы, их оборотов на экспортный лот не хватает.

Третья группа связана с глубиной переработки. Устойчивый фермерский экспорт в мировой практике почти всегда строится на продукции с добавленной стоимостью: нишевых маслах, органических крупах, крафтовых продуктах переработки (Кричкер, Рушицкая, 2021; Famuyiwa, 2024). Лучшая динамика здесь у Ставропольского края – доля переработанной продукции в экспорте доведена до 83,4%, а ее объем за 2024 год вырос на 10,7%. Нарастивает переработку и Краснодарский край: экспорт продукции глубокой переработки зерна прибавил 20%, мясной и молочной продукции – 30%. Ростовская область, лидируя по экспортной выручке, сохраняет сырьевой профиль вывоза, поскольку свыше 70% его составляют необработанные зерновые. Промежуточное положение занимает Волгоградская область: мощности по переработке подсолнечника, производству крахмала и фруктовых соков имеются, однако экспортными заказами они загружены слабо.

Четвертая группа – адресность государственной поддержки. Средств малым формам хозяйствования выделяется немало: в 2023 году на них пришлось свыше 20% государственной программы развития АПК⁵, но распределялись эти ресурсы без внятной привязки к экспортным задачам. Гранты «Агростартап», программы поддержки КФХ и СПоК нацелены прежде всего на расширение производства, покупку техники и развитие перерабатывающих мощностей для внутреннего рынка. Программы, которая целенаправленно субсидировала бы малым

производителям международную сертификацию, логистику экспортных партий, участие в зарубежных выставках или доработку продукции под требования внешних рынков, нет ни в одном из четырех регионов. Отчасти пробел закрывает краснодарский Центр поддержки экспорта, однако его услуги рассчитаны скорее на средний и крупный бизнес.

Пятая группа факторов – информационно-компетентностная. Малые агропроизводители обычно слабо ориентируются в требованиях зарубежных рынков, процедурах таможенного оформления, фитосанитарных и ветеринарных стандартах стран-импортеров⁶. В Ростовской области и Краснодарском крае барьер частично снимают трейдерские компании и крупные переработчики: требования рынков они транслируют вниз по цепочке. Ставропольское минэкономразвития наращивает информационную поддержку экспортеров – в 2024 году заключено 17 новых экспортных контрактов, пошли поставки нехарактерных прежде для края продуктов: сливочного масла, маргариновой продукции, хлебобулочных изделий, пива, шоколада. В Волгоградской области экспортное сопровождение развито слабее. При содействии Центра поддержки экспорта на зарубежные рынки в 2024 году вышли 38 компаний-экспортеров с совокупным объемом контрактов 14,7 млн долларов, причем для семи предприятий эти поставки стали первыми – цифры сами по себе говорят о небольшом нереализованном потенциале.

Факторная матрица на *рисунке 3* фиксирует главное: ни в одном из рассмотренных регионов условия для экспортной вовлеченности малых агропроизводителей не складываются безусловно благоприятно. Ростовская область лидирует по инфраструктурным параметрам, но проигрывает Ставропольскому краю в глубине переработки. У Краснодарского края высокие по-

⁵ О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 18.01.2024).

⁶ О продовольственной безопасности Российской Федерации: Федеральный закон от 01.06.2024 № 123-ФЗ.

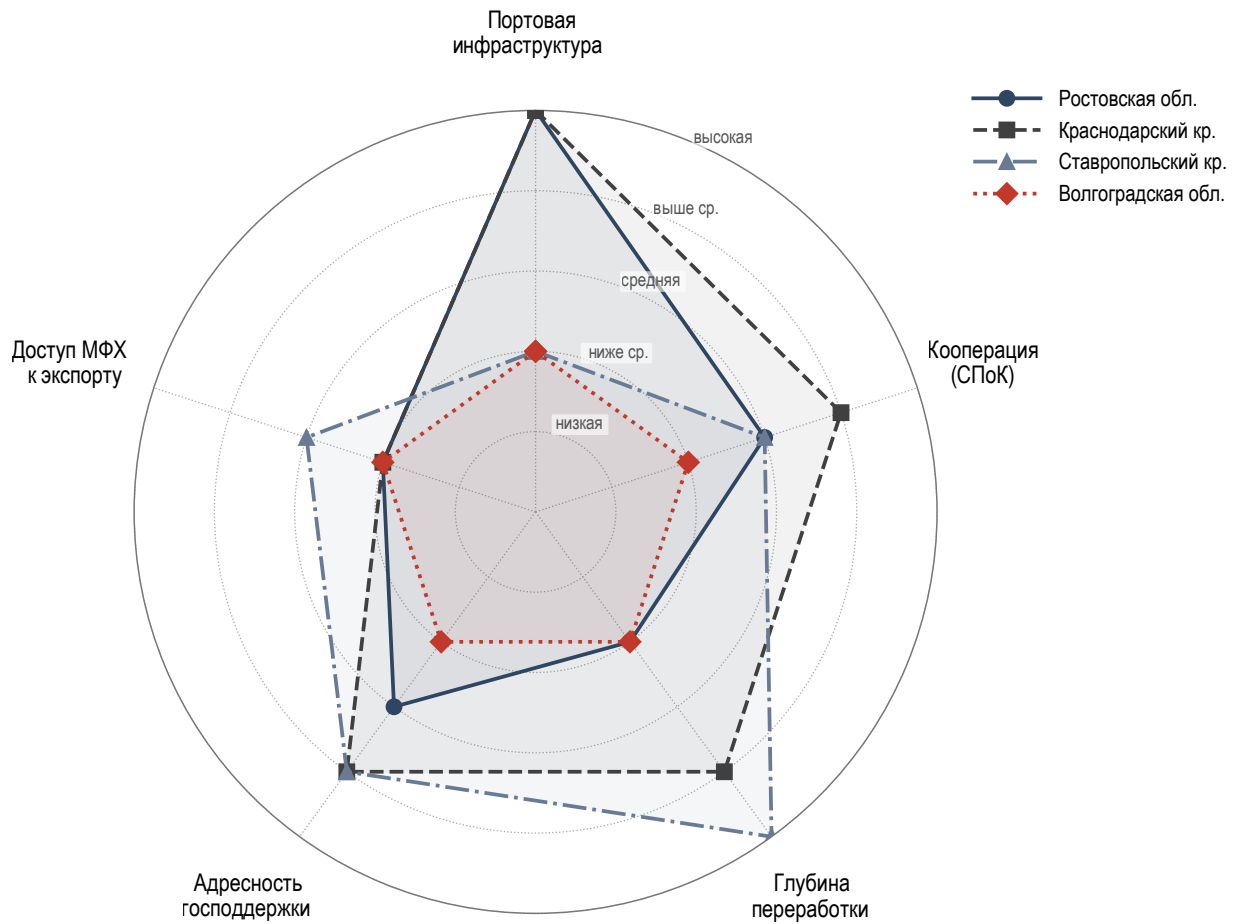

Рис. 3. Профили субъектов Юга России по пяти факторам межрегиональной дифференциации экспортного потенциала малых агропроизводителей (оценки по пятибалльной шкале: 1 – низкая, 5 – высокая)

Источник: составлено авторами.

зиции почти по всем критериям – и здесь возникает свой парадокс: мощная экспортная инфраструктура «оккупирована» крупными игроками, а малые производители остаются на периферии. Ставропольский край, имея ограниченный доступ к портам, отыгрывается глубиной переработки и активной диверсификацией географии поставок. Волгоградской области нужны системные преобразования по всем направлениям; вместе с тем именно у нее имеется наибольший потенциал роста – эффект низкой базы вкупе с высокой долей КФХ в производстве создает предпосылки к тому, чтобы при целенаправленной институциональной поддержке малые производители довольно быстро подключились к экспортным цепочкам.

Механизмы выравнивания межрегиональной дифференциации

Далее перейдем к механизмам, способным сократить разрыв между регионами Юга России по степени реализации экспортного потенциала малых агропроизводителей. По мнению авторов, эти механизмы стоит объединить в четыре взаимосвязанных блока.

Прежде чем говорить о конкретных механизмах, стоит уточнить саму постановку задачи выравнивания. Аграрный сектор связан на природно-климатические и территориальные условия, а потому однородным он быть не может и не должен. Зерновая и масложировая специализация Ростовской области и Краснодарского края, ставропольская ориентация на продукцию пище-

вой переработки, волгоградский профиль с масложировой продукцией и продуктами переработки отражают естественные преимущества регионов, которые нужно сохранять. Речь о другом: выравнивания требуют институциональные и инфраструктурные условия доступа малых производителей к внешним рынкам: возможность объединяться в кооперативы экспортного масштаба, доступность сертификационных и логистических услуг, адресность мер господдержки, информационное сопровождение. О значении коротких и устойчивых цепочек поставок для малых производителей пишут и за рубежом: Y. Chiffoleau и T. Dourian в обзорной работе прямо ставят вопрос, не является ли сокращение цепочек поставок (shortening) одним из ключевых ответов на вызовы устойчивости агропродовольственных систем (Chiffoleau, Dourian, 2020). Понятое таким образом выравнивание вписывается в принципы Стратегии пространственного развития Российской Федерации и отвечает подходу, при котором региональная политика снимает институциональные барьеры, но не стирает естественных различий. Отказаться от этой задачи – значит законсервировать нынешнюю конфигурацию, где малые формы хозяйствования в одних регионах включены в экспорт разве что как поставщики сырья для крупных игроков, а в других вытеснены из экспортных цепочек полностью. Задачам устойчивого развития сельских территорий и диверсификации агроэкспорта такое положение дел явно противоречит.

Первый блок механизмов образуют межрегиональные экспортные кооперативные платформы. Судя по мировому опыту, вывести фермерский экспорт на сколько-нибудь заметный масштаб получается главным образом через кооперацию второго и третьего уровней (Kilelu et al., 2017; Hidayati et al., 2023). Для Юга России это означает межрегиональное кооперативное объединение с участием Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Волгоградской областей. Членство в нем добровольное, прибыль рас-

пределяется пропорционально участию, экспортная инфраструктура используется сообща. Смысл такой платформы в том, чтобы собрать товарные партии малых производителей до экспортного размера, наладить единый контроль качества и разложить транзакционные издержки на сертификацию, логистику и маркетинг на всех участников, снизив их удельную величину. Организационным образцом могут служить новозеландская Fonterra или датская Arla Foods – разумеется, с поправкой на российские институциональные условия.

Второй блок – специализированные агрологистические хабы. Ставропольский край и Волгоградская область удалены от портов, и это их главная проблема. Хаб, где под одной крышей собраны элеваторные мощности, холодильные склады, аккредитованные лаборатории и таможенный терминал, ощутимо понижает барьер входа малого производителя на внешний рынок. Волгоградской области нужен мультимодальный вариант – с увязкой речного, железнодорожного и автомобильного транспорта и с расчетом на рынки Центральной Азии и Закавказья. Ставрополью выгоднее расширять сухопутные коридоры через Дагестан – на Иран и каспийское направление.

Третий блок касается стандартизации. Продукция КФХ нередко не дотягивает до международных требований по качеству и безопасности, и этот барьер остается одним из самых ощутимых (Arshad et al., 2023). Мы предлагаем ввести добровольный региональный стандарт «Южный аграрный знак качества» с требованиями к агротехнологии, хранению, упаковке и маркировке, согласованными с теми системами сертификации, которые чаще всего спрашивают на целевых рынках (Global G.A.P., НАССР, Halal). Сертификацию по нему имеет смысл субсидировать из региональных бюджетов, покрывая для КФХ и СПоК до 70% затрат.

Четвертый блок – региональные центры экспортных компетенций. Центры поддержки экспорта, созданные в рамках национального проекта «Международная ко-

операция и экспорт», работают в основном со средним и крупным предпринимательством. Малым агропроизводителям требуется структура иного профиля, где сходятся информационное консультирование, образовательное сопровождение, маркетинговая аналитика и коммерческое посредничество. Создавать такие центры логично на базе аграрных вузов – КубГАУ, ДонГАУ, СтГАУ, ВолГАУ – в партнерстве с региональными торгово-промышленными палатами и при координации со стороны федерального центра «Агроэкспорт». Их задачи: следить за спросом на целевых рынках, готовить экспортные паспорта продукции малых производителей, организовывать коллективные стенды на международных выставках, сопровождать первые экспортные сделки.

Остается вопрос о финансировании всего перечисленного. Оптимальной видится смешанная модель. Капитальные затраты – агрологистические хабы, лабораторная инфраструктура – софинансируются из федерального бюджета; операционные расходы, то есть субсидии на сертификацию и содержание центров компетенций, ложатся на региональные бюджеты, к чему добавляются частные инвестиции по схемам государственно-частного партнерства (Бочаров и др., 2024). Отдельная тема – цифровизация агропродовольственных цепочек поставок: A. Belhadi и соавторы показывают, что она повышает устойчивость и адаптивность малых производителей к геополитическим вызовам (Belhadi et al., 2024). Удешевить выход на внешние рынки способны и электронные маркетплейсы для малых агропроизводителей (García-Gallego et al., 2025). В качестве целевого ориентира можно принять рост доли малых агропроизводителей в совокупном экспорте продукции АПК каждого из четырех регионов минимум до 5% к 2030 году – это примерно в пять раз больше по сравнению с текущими оценками.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать: межрегиональная дифферен-

циация субъектов Юга России по степени реализации экспортного потенциала малых агропроизводителей носит системный характер и различиями в природно-ресурсных условиях не исчерпывается. По абсолютным показателям экспортной выручки АПК разрыв между лидерами – Ростовской областью и Краснодарским краем – и аутсайдером в лице Волгоградской области превышает пятнадцатикратный. Для малых форм хозяйствования он, судя по всему, еще шире, но точно измерить его мешает фрагментарность статистического учета.

Дифференциация формируется под влиянием пяти групп факторов. Это инфраструктурная доступность, которая на Юге определяется прежде всего близостью к портам Азово-Черноморского бассейна, развитость кооперативных институтов, глубина переработки сельскохозяйственной продукции, адресность государственной поддержки и, наконец, информационно-компетентностная обеспеченность хозяйств. Складываются эти факторы в каждом регионе по-своему, а значит, единой модели стимулирования экспорта для всех четырех субъектов быть не может – подход должен быть дифференцированным.

Теоретический результат работы мы видим в том, что экспортный потенциал малых агропроизводителей трактуется здесь как системное свойство региональной среды, а для его оценки выстроена четырехкомпонентная модель, включающая производственный, институциональный, инфраструктурный и регуляторный компоненты. Прикладная сторона – предложенный набор механизмов выравнивания: межрегиональные кооперативные платформы, агрологистические хабы, экспортный стандарт для малых производителей, центры экспортных компетенций при аграрных вузах.

Выводы исследования, разумеется, дискуссионны. Первое возражение может быть таким: стоит ли вообще стимулировать прямой экспорт малых производителей, если крупные агрохолдинги объективно эффективнее и в логистике, и в маркетинге? На наш взгляд, малый агробизнес не замещает

крупный, а дополняет. Фермерским хозяйствам по силам ниши, малопривлекательные для холдингов, такие как органическая продукция, нишевые масла, крафтовые продукты переработки, сертифицированная халяльная продукция. Второе возражение касается самой межрегиональной кооперации: она способна усилить и без того лидирующие субъекты за счет аутсайдеров. Такой риск действительно есть, но он снижается, если институциональный дизайн платформы гарантирует пропорциональное представительство всех участников.

Главное ограничение исследования – состояние статистической базы. Детализированных данных об экспортной деятельности именно малых форм хозяйствования не существует: ни ФТС, ни Росстат не выделяют экспорт КФХ отдельной позицией, поэтому приходится довольствоваться косвенными оценками. Отсюда вытекают направления дальнейшей работы – формирование системы мониторинга экспортной вовлеченности фермерского сектора и апробация предложенных механизмов выравнивания в пилотных регионах.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Н., Лобова С.В., Бутакова М.М., Герман О.И. (2024). Включенность приграничных агроориентированных регионов в трансграничные цепочки создания стоимости в пространстве Большого Алтая // Экономика сельского хозяйства России. № 12. С. 87–93.
- Воробьев С.П., Воробьева В.В., Ильмушкин А.Г., Сурай Н.М., Захарова Е.В. (2023). Трансформация географической и ассортиментной структуры экспорта продукции АПК региона в условиях санкций // Инновации и инвестиции. № 4. С. 411–414.
- Горячко М.Д., Леоненко Н.С. (2021). Структурные и региональные особенности развития российского агропродовольственного экспорта // Международная торговля и торговая политика. Т. 7. № 3 (27). С. 116–132.
- Зинина О.В., Далисова Н.А. (2020). Потенциал и тенденции развития экспорта продукции АПК региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 8-2. С. 204–209.
- Кричкер Д.Р., Рущицкая О.А. (2021). Перспективные направления экспорта органической продукции АПК Уральского региона // Аграрный вестник Урала. № 6 (209). С. 80–88.
- Мирошниченко Н.В., Максимов В.Ю. (2023). Экспорт продукции АПК как источник укрепления внешнеэкономического потенциала субъекта Российской Федерации (на примере Ставропольского края) // Исследование проблем экономики и финансов. № 2. Ст. 2. DOI: 10.31279/2782-6414-2023-2-2
- Марков А.К., Мумладзе Р.Г. (2019). Вклад регионов в экспорт продукции АПК // Инновации и инвестиции. № 6. С. 369–371.
- Потапов А.П. (2022). Стратегические цели и индикаторы результативности государственного регулирования экспортного потенциала аграрного сектора страны и регионов // Экономика сельского хозяйства России. № 11. С. 2–7.
- Столба Е.В., Лукьянова М.Т. (2021). Стратегический анализ и оценка экспортного потенциала продукции регионального АПК на основе использования форсайт-технологий // Аграрный вестник Урала. № 9 (212). С. 93–102.
- Третьяк Н.А., Жуплей И.В., Шмидт Ю.И. (2021). Оценка и развитие экспортного потенциала агропромышленного комплекса Дальневосточного федерального округа // Вестник евразийской науки. Т. 13. № 1.
- Ушачев И.Г., Маслова В.В., Авдеев М.В. (2020). Современные тенденции развития внешней торговли агропродовольственной продукции в России // АПК: Экономика, управление. № 5. С. 4–15. DOI: 10.33305/205-4

- Шарипов Ш.И., Ибрагимова Б.Ш. (2019). Современные тенденции и пути стимулирования экспорта продукции АПК в регионах СКФО // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. № 2. С. 23–28.
- Яковенко Н.А., Иваненко И.С. (2020). Региональные особенности формирования экспортного потенциала агропродовольственного комплекса // Современная экономика: обеспечение продовольственной безопасности. Самарский ГАУ. С. 23–27.
- Arshad M.W., Moazzam M., Raziq M.M., Ahmed W. (2023). Linking the willingness of smallholder dairy farmers to adopt minimum food safety and quality standards to the country's export potential. *International Journal of Food Science & Technology*, 58(10), 5557–5567.
- Belhadi A., Kamble S., Subramanian N., Singh R.K., Venkatesh M. (2024). Digital capabilities to manage agri-food supply chain uncertainties and build supply chain resilience during compounding geopolitical disruptions. *International Journal of Operations & Production Management*.
- Bellemare M.F., Bloem J.R. (2018). Does contract farming improve welfare? A review. *World Development*, 112, 259–271.
- Chiffolleau Y., Dourian T. (2020). Sustainable food supply chains: Is shortening the answer? A literature review for a research and innovation agenda. *Sustainability*, 12(23), 9831.
- Famuyiwa A.S. (2024). Opportunities and challenges posed by international trade on agriculture in developing nations: A review. *Journal of Applied Sciences and Environmental Management*, 3845–3852.
- García-Gallego J.M., Chamorro-Mera A., Valero-Amaro V. et al. (2025). Agri-food e-marketplaces as new business models for smallholders: A case analysis in Spain. *Agriculture*, 15(17), 1806.
- Hidayati D.R., Garnevska E., Childerhouse P. (2023). Enabling sustainable agrifood value chain transformation in developing countries. *Journal of Cleaner Production*, 395, 136300.
- Kilelu C., Klerkx L., Omore A. et al. (2017). Value chain upgrading and the inclusion of smallholders in markets. *European Journal of Development Research*, 29(5), 1102–1121.
- Manyise T., Dentoni D. (2021). Value chain partnerships and farmer entrepreneurship as balancing ecosystem services: Implications for agri-food systems resilience. *Ecosystem Services*, 49, 101279.
- Mossie M., Gereziher A., Ayalew Z., Elias A. (2021). Food security effects of smallholders' participation in apple and mango value chains in north-western Ethiopia. *Agriculture and Food Security*, 10(1), 1–15.
- Reardon T., Echeverria R., Berdegue J. et al. (2019). Rapid transformation of food systems in developing regions: Highlighting the role of agricultural research & innovations. *Agricultural Systems*, 172, 47–59.
- Swinnen J., Kuijpers R. (2019). Value chain innovations for technology transfer in developing and emerging economies: Conceptual issues, typology, and policy implications. *Food Policy*, 83, 298–309.
- Ton G., Vellema W., Desiere S., Weituschat S., D'Haese M. (2018). Contract farming for improving smallholder incomes: What can we learn from effectiveness studies? *World Development*, 104, 46–64.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виталий Васильевич Айтов – аспирант, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Российская Федерация, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13; e-mail: Aytov999@mail.ru)

Владимир Викторович Шевцов – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Российская Федерация, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13; e-mail: denshevtsov0@ya.ru)

Aitov V.V., Shevtsov V.V.

INTERREGIONAL DIFFERENTIATION IN EXPORT POTENTIAL REALIZATION AMONG SMALL AGRICULTURAL PRODUCERS ACROSS SOUTHERN RUSSIAN REGIONS: FACTORS AND EQUALIZATION MECHANISMS

Southern Russia are realizing their export potential ever more unevenly, and the reorientation of foreign trade flows of agri-food products toward the markets of friendly states is only amplifying this unevenness. This determines the relevance of the research topic. The article aims to identify and systematize the factors that differentiate four constituent entities of Southern Russia – the Krasnodar and Stavropol territories and the Rostov and Volgograd regions – by the level of export activity of small agribusiness entities, and to substantiate mechanisms for closing the existing gap. The novelty of the work lies in the authors' methodology for an integrated assessment of the export involvement of small agricultural producers, which, alongside volumetric export indicators, takes into account the structural and institutional parameters of the regional environment: the level of cooperation, logistical accessibility, the depth of processing, and the targeting of state support. Comparative-analytical and statistical-typological approaches are used; the potential export contribution of small agribusiness entities is calculated on the basis of their share in the gross output of key export items. It is found that differentiation is driven primarily by inequality in port and transport infrastructure, the differing scale of the cooperative movement, the uneven integration of small producers into export value chains, and the mismatched design of regional support measures. To equalize the situation, the authors propose interregional export cooperative platforms, specialized agro-logistics hubs, an export standard for small producers, and regional export competence centers. The main limitation of the study is the fragmented nature of departmental statistics on the export activity of small agribusiness entities. The authors associate further research with the creation of a monitoring system for the export involvement of the farming sector.

Export potential, small agricultural producers, interregional differentiation, Southern Russia, cooperation in the agro-industrial complex, export infrastructure, agro-logistics, state support, interregional differentiation.

REFERENCES

- Arshad M.W., Moazzam M., Raziq M.M., Ahmed W. (2023). Linking the willingness of smallholder dairy farmers to adopt minimum food safety and quality standards to the country's export potential. *International Journal of Food Science & Technology*, 58(10), 5557–5567.
- Belhadi A., Kamble S., Subramanian N., Singh R.K., Venkatesh M. (2024). Digital capabilities to manage agri-food supply chain uncertainties and build supply chain resilience during compounding geopolitical disruptions. *International Journal of Operations & Production Management*.
- Bellemare M.F., Bloem J.R. (2018). Does contract farming improve welfare? A review. *World Development*, 112, 259–271.
- Bocharov S.N., Lobova S.V., Butakova M.M., German O.I. (2024). The integration of border agro-oriented regions into cross-border value chains in the Greater Altai space. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii*, 12, 87–93 (in Russian).
- Chiffolleau Y., Dourian T. (2020). Sustainable food supply chains: Is shortening the answer? A literature review for a research and innovation agenda. *Sustainability*, 12(23), 9831.
- Famuyiwa A.S. (2024). Opportunities and challenges posed by international trade on agriculture in developing nations: A review. *Journal of Applied Sciences and Environmental Management*, 3845–3852.

- García-Gallego J.M., Chamorro-Mera A., Valero-Amaro V. et al. (2025). Agri-food e-marketplaces as new business models for smallholders: A case analysis in Spain. *Agriculture*, 15(17), 1806.
- Goryachko M.D., Leonenko N.S. (2021). Structural and regional features of the development of Russian agri-food exports. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 7(3)(27), 116–132 (in Russian).
- Hidayati D.R., Garnevska E., Childerhouse P. (2023). Enabling sustainable agrifood value chain transformation in developing countries. *Journal of Cleaner Production*, 395, 136300.
- Kilelu C., Klerkx L., Omere A. et al. (2017). Value chain upgrading and the inclusion of smallholders in markets. *European Journal of Development Research*, 29(5), 1102–1121.
- Krichker D.R., Rushchitskaya O.A. (2021). Promising directions for exporting organic agri-food products from the Ural region. *Agrarnyi vestnik Urala*, 6(209), 80–88 (in Russian).
- Maksimov V.Yu., Miroshnichenko N.V. (2023). Agri-food exports as a source of strengthening the foreign economic potential of a constituent entity of the Russian Federation (the case of the Stavropol Territory). *Issledovanie problem ekonomiki i finansov*, 2 (in Russian).
- Manyise T., Dentoni D. (2021). Value chain partnerships and farmer entrepreneurship as balancing ecosystem services: Implications for agri-food systems resilience. *Ecosystem Services*, 49, 101279.
- Markov A.K., Mumladze R.G. (2019). The contribution of regions to agri-food exports. *Innovatsii i investitsii*, 6, 369–371 (in Russian).
- Mossie M., Gereziher A., Ayalew Z., Elias A. (2021). Food security effects of smallholders' participation in apple and mango value chains in north-western Ethiopia. *Agriculture and Food Security*, 10(1), 1–15.
- Potapov A.P. (2022). Strategic goals and performance indicators of state regulation of the export potential of the agrarian sector of the country and its regions. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii*, 11, 2–7 (in Russian).
- Reardon T., Echeverria R., Berdegue J. et al. (2019). Rapid transformation of food systems in developing regions: Highlighting the role of agricultural research & innovations. *Agricultural Systems*, 172, 47–59.
- Sharipov Sh.I., Ibragimova B.Sh. (2019). Current trends and ways to stimulate agri-food exports in the regions of the North Caucasian Federal District. *UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiya*, 2, 23–28 (in Russian).
- Stolba E.V., Lukyanova M.T. (2021). Strategic analysis and assessment of the export potential of regional agri-food products based on foresight technologies. *Agrarnyi vestnik Urala*, 9(212), 93–102 (in Russian).
- Swinnen J., Kuijpers R. (2019). Value chain innovations for technology transfer in developing and emerging economies: Conceptual issues, typology, and policy implications. *Food Policy*, 83, 298–309.
- Ton G., Vellema W., Desiere S., Weituschat S., D'Haese M. (2018). Contract farming for improving smallholder incomes: What can we learn from effectiveness studies? *World Development*, 104, 46–64.
- Tretyak N.A., Zhuplei I.V., Shmidt Yu.I. (2021). Assessment and development of the export potential of the agro-industrial complex of the Far Eastern Federal District. *Vestnik evraziiskoi nauki*, 13(1) (in Russian).
- Ushachev I.G., Maslova V.V., Avdeev M.V. (2020). Current trends in the development of foreign trade in agri-food products in Russia. *APK: Ekonomika, upravlenie*, 5, 4–15. DOI: 10.33305/205-4 (in Russian).
- Vorobyev S.P., Vorobyeva V.V., Ilmushkin A.G., Surai N.M., Zakharova E.V. (2023). Transformation of the geographic and product structure of regional agri-food exports under sanctions. *Innovatsii i investitsii*, 4, 411–414 (in Russian).
- Yakovenko N.A., Ivanenko I.S. (2020). Regional features of the formation of the export potential of the agri-food complex. In: *Sovremennaya ekonomika: obespechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti* [Modern Economy: Ensuring Food Security]. Samara State Agrarian University (in Russian).
- Zinina O.V., Dalisova N.A. (2020). The potential and trends in the development of regional agri-food exports. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 8-2, 204–209 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly V. Aitov – Graduate Student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (13, Kalinin Street, Krasnodar, 350044, Russian Federation; e-mail: Aytov999@mail.ru)

Vladimir V. Shevtsov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (13, Kalinin Street, Krasnodar, 350044, Russian Federation; e-mail: denshevtsov0@ya.ru)

Статья поступила 02.03.2026.